

О классицизмъ.

Нужно ли нѣтъ основывать высшее образованіе на почвѣ классической? Объ этомъ спорять давно, но пока разрѣшеніе вопроса этого далеко еще не предвидится въ смыслѣ принципиальномъ, хотя практически онъ во многихъ странахъ разрѣшенъ столь же давно въ пользу классицизма. Знаменитый Яковъ Гриммъ въ своемъ разсужденіи объ академическомъ образованіи ¹⁾, ставитъ задачей будущаго—выработку системы, основанной на чисто нѣмецкихъ (германскихъ) началахъ; но въ настоящее время онъ не почитаетъ возможнымъ сойти съ классической почвы, ибо для него выборъ только между абсолютно національной системой и классической. Национальная выше, но пока ея нѣтъ еще и въ «пролегоменахъ»: слѣдовательно надо, въ ожиданіи ея появленія, довольствоваться классической, такъ разсуждаетъ онъ. На западѣ этотъ вопросъ потому разрѣшается легче практически, чѣмъ у насъ, что тамъ классицизмъ не есть искусственно введенное нѣчто. Только греческіе языкъ и литература внесены извнѣ во время Возрожденія; но и съ этой эпохи прошло уже 400 лѣтъ, и такимъ образомъ полной классической школы тамъ уже минула почтенная давность. Не то у насъ: съ классическимъ міромъ мы были связаны въ его Эллинской оболочкѣ только традиціонно. Знаніе греческаго языка было принадлежностью немногихъ, а насажденіе латинскаго, въ своихъ предначатіяхъ, не восходитъ далѣе половины семнадцатаго вѣка. Малороссія въ этомъ отношеніи на много насъ предупредила: въ ней латинская культура рано свила себѣ гнѣздо, благодаря Польшѣ, и произвела своеобразное нѣчто, глубоко пропитанное внѣшнимъ латинизмомъ, но необыкновенно крѣпкое въ своей анти-латинской основѣ. Она заимствовала западную броню противъ самаго Запада, заплативъ, однако, не малую ему дань въ разныхъ подробностяхъ быта и ученія церковно-гражданскаго. Петръ, въ своихъ заботахъ о привитіи къ намъ европейскихъ порядковъ, не коснулся вовсе вопроса образовательнаго и направилъ всѣ свои старанія къ введенію разныхъ видовъ техническаго обученія; таковое получило поэтому преобладающее значеніе въ

¹⁾ Kleine Schriften I Band, Ueber Schule etc.

области гражданскаго образованія; а весь классическій элементъ замкнулся почти всецѣло въ церковной педагогической практикѣ; процвѣтая тамъ, благодаря преобладанію въ іерархіи, до конца 18-го вѣка, элемента малороссійскаго, въ фромѣ, почти исключительно латинской, противъ которой возсталъ, одинъ изъ первыхъ, митрополитъ московскій Филаретъ. Самъ, будучи однимъ изъ мотикановъ латинской образованности, онъ проявилъ въ своей анти-латинской дѣятельности нѣкое несвойственное ему, вообще столь глубокомысленному и дальновидному, странное непониманіе значенія латинизма въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Въ теченіе почти всего XIX вѣка понятія о значеніи классицизма въ системѣ высшаго образованія подвергались постояннымъ колебаніямъ. Съ одной стороны, выставлялись соображенія о практической ненужности древнихъ языковъ; съ другой—утверждалось, что безъ знанія тѣхъ древнихъ языковъ, въ которыхъ выразилась полная логическая сила, ихъ создавшая (и затѣмъ закристаллизовавшаяся въ нихъ, какъ отжившихъ), и сложившейся чрезъ ихъ посредство литературы, нельзя «де» достигнуть истинной умственной культуры. Послѣдній взглядъ восторжествовалъ, но не надолго; и теперь мы переживаемъ періодъ упадка этого, торжествовавшего тридцать лѣтъ взгляда; хотя доводы противъ него болѣе истекаютъ изъ способа осуществленія классической теоріи, чѣмъ изъ ясно выраженныхъ аргументовъ противъ оной, по существу.

Побѣда классицизма въ семидесятыхъ годахъ была не столько результатомъ истиннаго убѣжденія общественнаго въ превосходствѣ классицизма, сколько таковымъ же возобладанія нѣкихъ утилитарныхъ соображеній, мало оправдавшихся на дѣлѣ. Вопросъ этотъ опять ожилъ, но и теперь незамѣтно, чтобы разрѣшеніе его предстояло на почвѣ уясненія самаго существа дѣла; и даже болѣе того, намъ кажется, что въ настоящее время не замѣтно вовсе потребности переобсудить оный, хотя бы съ той глубиной, которую проявилъ М. Н. Катковъ въ своей публицистической кампаніи, окончившейся временнымъ торжествомъ его теоріи. Предстоитъ, повидимому, какой-то компромиссъ, судьба коего, вѣроятно, будетъ та же, какая предлежитъ всякому компромиссу.

Если говорить объ обязательномъ прохожденіи классической школы для всякаго юноши, стремящагося получить лишь то въ учебномъ дѣлѣ, что нужно для прохожденія жизненнаго пути трудомъ не исключительно физическимъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что отъ классицизма пользы онъ не получитъ. Тому, кто ищетъ не образованія, а обученія, конечно, потребно лишь то, что прямо, осязательно полезно; то, что необходимо для сознательнаго прохожденія профессіи, а не для чего-то иного, невѣсомаго и не формулируемаго и къ профессиональной жизни непосредственно непримѣнимаго. Всякій человекъ, желающій получить лишь то, что называютъ Англичане *training*, какой бы степени это, такъ сказать, «натаскиваніе» не было, долженъ, конечно, довольствоваться лишь тѣми знаніями, которыя относятся къ практической жизни, связывая ихъ, по мѣрѣ воз-

возможности, съ усвоеніемъ того, что необходимо для ориентированія въ средѣ, въ которой онъ живетъ. Онъ долженъ знать вѣру, въ которой родился, долженъ знать языкъ, которымъ призванъ говорить, долженъ знать народъ, въ которомъ живетъ, въ его прошедшемъ и въ его настоящемъ и, по возможности, тѣ народы, которые въ прошедшемъ и настоящемъ болѣе соприкасались съ нимъ. Онъ долженъ знать все, что несомнѣнно извѣстно о планетѣ-землѣ, объ ея положеніи въ космосѣ, объ органическихъ существахъ, населяющихъ оную, и особенно понять законы даннаго человѣку мыслительнаго аппарата, что достигается знаніемъ математики и логики. Надо пройти эти науки въ мѣру той степени, которой желаютъ достигнуть въ профессиональной или зависимо-служебной карьерѣ. Но эта образовательная схема годится лишь для цѣлей восполнить практическое обученіе. Образование же въ настоящемъ смыслѣ имѣетъ свою цѣль въ себѣ, а не въ чемъ-либо внѣшнемъ, постороннемъ, прикладномъ. Оно задается развитіемъ въ человѣкѣ высшей степени человѣчности, не только въ области ума, но и въ таковыхъ же—эстетики и этики. При наличности онаго человѣкъ получаетъ возможность быть не только примѣнителемъ, но и активнымъ участникомъ въ водительство другихъ по пути истиннаго прогресса ¹⁾. Конечно, не всякій образованный человѣкъ непремѣнно способенъ къ такому высшему призванію; несомнѣнно также, что къ такой дѣятельности призываются иногда Провидѣніемъ люди, не прошедшіе черезъ процессъ высшаго школьнаго образованія; несомнѣнно также, что способность двигать впередъ знанія дается иногда и даже часто людямъ, только вращающимся въ предѣлахъ спеціальности; но какъ первое есть высшій даръ, «свыше исходяй» и никакимъ формальнымъ путемъ не достигается; такъ и во второмъ случаѣ способность къ такъ называемымъ открытіямъ въ области знанія, проявляемая нерѣдко людьми, не имѣющими высшаго общаго образованія, почти всегда разрѣшается такими открытіями, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ шаблонной утилитарности, не прошедшей черезъ оцѣнку полезности съ точки зрѣнія всечеловѣчности, при каковой не рѣдко явствуется, что самое открытіе это есть не болѣе, какъ техническое обостреніе, не только не полезное вообще, но даже обременяющее собою и безъ того обремененный избыткомъ ненужнаго знанія человѣческой умъ. Школы, которыя даютъ возможность прошедшему черезъ нихъ вступить на дѣятельность разумно исполнительную по всѣмъ отраслямъ, не должны чуждаться, конечно, введенія въ свои программы возможно большаго элемента чисто-образовательнаго, этико-эстетическаго. Но только высшее образованіе можетъ задаваться чисто-идеальной цѣлью абсолютно полнаго развитія самого человѣка, безъ отношенія къ утилитарнымъ соображеніямъ; и, конечно, такому образованію должны быть причастны только тѣ, кто по самому существу своему влекутся къ такимъ идеальнымъ цѣлямъ. Та-

¹⁾ Употребляю это слово безъ точнаго его толкованія, въ смыслѣ т. с. ходячемъ; хотя конечно это позволительно лишь тамъ, гдѣ оно возможно мало вліяетъ на «суть» разсужденія.

кихъ людей всегда и вездѣ немного и, конечно, болѣе всего такое направленіе встрѣчается у юношей, выходящихъ изъ среды, сравнительно матеріально обезпеченной и въ которой часто преимущественно хранится потребность къ такому расширенію умственнаго горизонта, которая даетъ возможность руководить, а не служить только просвѣщеннымъ орудіемъ. Но если въ этой средѣ такое направленіе естественно существуетъ, то объ ней нечего и заботиться—она сама пойдетъ и безъ посторонней общественной помощи по пути исканія высшаго образованія. Но надо принять въ соображеніе, что всякая наследственность легко вырождается въ посредственность, и что вполне могучи лишь самородки. Обязанность общества и государства давать такимъ самородкамъ возможность достигать высшаго образованія, конечно, не поощряя погоню за таковымъ лицъ, не дающихъ осязательныхъ доказательствъ того, что въ нихъ есть задатки дѣйствительнаго призванія. Призываніе и зазываніе къ такому непосильному дѣлу массы—одна изъ настоящихъ язвъ современнаго человечества, благодаря чему въ обществѣ развивается быстрѣе чѣмъ что другое—дешевое самомнѣніе и упадокъ истиннаго просвѣщенія, основа котораго, съ одной стороны—общее «просвѣщеніе» народа (тамъ, гдѣ «онъ» есть въ настоящемъ его смыслѣ), а съ другой—истинное образованіе общества, состоящаго изъ «лучшихъ» людей, а не изъ той-самомнительной интеллигенціи, которая все болѣе и болѣе стремится вытѣснить настоящее общество, имѣющее назначеніе быть той средой, въ которой народныя убѣжденія проявляютъ себя во всеоружіи культурнаго сознанія. Для освобожденія учебныхъ учрежденій, назначаемыхъ для лицъ, ищущихъ высшаго образованія, отъ папыва непригодныхъ элементовъ, конечно, необходимо кромѣ училищъ техническихъ и спеціальныхъ еще образованіе такихъ школъ, которыя давали бы довольствующимся дѣятельностью служебной (т. е. службой такъ или иначе зависямой) тѣ знанія положительныя, безъ которыхъ нельзя обходиться культурному человѣку въ жизни. Если къ такимъ заведеніямъ прибавить курсы спеціальныя, подобно тому, какъ это существуетъ у насъ въ духовномъ и военномъ вѣдомствахъ, съ правомъ поступать на всякія должности второстепенныя, то заведенія чисто образовательныя, завершающіяся университетомъ, сдѣлаются достояніемъ только того меньшинства, для котораго развитіе общее, т. е. идеальное, есть настоящая потребность. вполне способныхъ къ таковому, конечно, окажется меньшинство изъ меньшинства; но все-таки и те «избранные», прошедшіе черезъ выше-образовательныя учрежденія, получаютъ тотъ особый отпечатокъ, который свойственъ истинному образованію. Надо очень тщательно отдѣлять понятіе объ образованности отъ понятія просвѣщенія. Только совершенное незнаніе языка и непониманіе сути дѣла обученія и образованія могли изобрѣсть наименованіе Министерства Просвѣщенія, тогда какъ именно никакая школа просвѣщенія не даетъ. Просвѣщеніе есть та духовная атмосфера, въ которой живетъ весь народъ, и которая вдыхается имъ ежеминутно, какъ духовный жизненный эликсиръ. Оно имѣетъ

свою основу въ чувствахъ, а не въ знаніи, и въ немъ пребываетъ всегда, на разныхъ степеняхъ личнаго развитія. Христіански просвѣщенный человѣкъ можетъ быть ученымъ и неученымъ и даже необразованнымъ формально. Просвѣщеніе его не находится въ зависимости отъ его учености: Преподобный Серафимъ Саровскій или Антоній Великій (неграмотный) были вполне просвѣщенные люди. Образование же и знаніе даютъ лишь (помимо ихъ существующему) просвѣщенію орудіе самопроявленія; но они вмѣстѣ съ тѣмъ и обоюдоострое нѣчто: способствуя расклубленію началъ просвѣтительныхъ, они иногда стремятся занять сами мѣсто просвѣщенія и тогда даютъ результаты, обратныя своему истинному назначенію. Посему и учрежденіе правительственное, присвоившее себѣ неподлежащее наименованіе, иногда очень неясно сознаетъ свое конечное назначеніе; и предполагая, что оно просвѣтительное нѣчто, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ должно быть—учрежденіемъ, служащимъ лишь дѣлу образованія и обученія—и обращается въ нѣчто инквизиціонное.

На чемъ же должно быть основано у насъ истинное образованіе, соответствующее нашимъ же просвѣтительнымъ началамъ?

Задача составленія программъ не входитъ, конечно, въ составъ того, что мы имѣемъ въ виду, ставя этотъ вопросъ. Разъ выработана точка зрѣнія и на ней сошлись—программа выработается безъ труда; и, вѣроятно, болѣе или менѣе всѣхъ удовлетворяющая. Подробности же оной никогда не могутъ быть установлены неизмѣнно. Идеальная цѣль, къ которой стремятся высшее образованіе—это пробужденіе въ человѣкѣ всѣхъ умственныхъ и душевныхъ (духовныя составляютъ область высшую, недоступную воздействию формально-внѣшнихъ факторовъ) его силъ, какъ прирожденныхъ, такъ и полученныхъ отъ воздействия на нихъ начала просвѣтительнаго, въ предѣлахъ коего образованіе себя проявляетъ. Оно разрѣшается въ концѣ своего процесса въ соприкосновеніи съ областью научною, чистой науки—университетомъ; не потому, однако, чтобы наука, въ ея формальномъ видѣ, была непременно цѣлью всякаго вполне образованнаго человѣка, но только потому, что она есть та почва, на которой можетъ себя показать, проявиться полученное развитіе. Вполнѣ образованный человѣкъ доказываетъ свое высшее образованіе и развитіе на, такъ сказать, пробномъ занятіи наукой. Въ прежнее время, когда область знанія была ограничена, онъ могъ выказать себя, обращаясь съ тѣмъ, что называлось *universitas Scientiarum*. Теперь это уже невозможно, и приходится довольствоваться одной какой-нибудь вѣтвью науки. Но, во всякомъ случаѣ, оканчивающій высшее образованіе на почвѣ чистой науки, этимъ самымъ вовсе не заноситъ себя въ цехъ ученыхъ: онъ получаетъ только возможность сдѣлаться ученымъ, но можетъ сдѣлаться человѣкомъ жизни, такъ называемымъ «дѣятелемъ». На наукѣ же и «дѣятель» показываетъ лишь свою способность къ независимому труду во всякой области, какую бы онъ ни избралъ¹⁾.

¹⁾ Примѣръ—Гладстонъ.

Отъ того введеніе медицины практической въ область высше-образовательнаго дѣла есть недомысліе. Врачъ, практикъ, можетъ лишь подготовиться, но не патентоваться учрежденіемъ чисто-образовательнымъ, каковымъ долженъ быть университетъ. Это все равно, какъ если бы изъ университета выпускались инженеры, готовые судьи, финансисты и т. п. Получившій образованіе высшее, способенъ къ высшей дѣятельности—но только въ потенціи. Его преимущество передъ тѣми, которые познали какую-либо науку, не прошедши черезъ общее развитіе, состоитъ въ томъ, что онъ и въ спеціальномъ вопросѣ не утрачиваетъ способности постигать связь этого отдѣльнаго вопроса съ потребностями, такъ сказать, полноты человѣческаго духа; тогда какъ «только спеціалистъ» видитъ въ своемъ «фахѣ» нѣчто себѣ довлѣющее, отъ чего съ такой поразительной быстротой слѣдуютъ одно за другими разныя открытія, большинство конхъ никому не нужно, а многія прямо вредны, ибо служатъ только для спекуляціи ими, представляясь сначала очень заманчивыми, въ концѣ концовъ, оказываются просто вредными, напримѣръ въ медицинѣ.

Такимъ образомъ высшее образованіе, доступное въ сущности лишь избранному меньшинству, есть то, которое задается развитіемъ въ человѣкѣ его разумной всечеловѣчности, въ увѣренности, что, достигши сего, онъ выразитъ себя въ той или другой области знанія или дѣланія съ полнотой, свойственной цѣлости духа человѣческаго, направленной въ ту или другую сторону, а не съ одностороннимъ лишь знаніемъ тонкостей извѣстной спеціальности, всегда суживающей кругозоръ человѣка, «даже по сравненію съ той прирожденной широтой, которая свойственна человѣку, предоставленному самому себѣ». Разница въ образовательной задачѣ школы спеціальныхъ или образовательныхъ, общедоступныхъ и высшеобразовательныхъ состоитъ въ томъ, что первыя должны довольствоваться задачей «не расшатать по возможности прирожденной всякому человѣку цѣлости духа»—тогда какъ послѣднія должны стремиться къ тому, чтобы таковую, прирожденную, довести до полного высшаго разумнаго расцвѣта. Людямъ, достигшимъ сего, принадлежитъ водительство человѣковъ, какія бы ни дѣлали важныя и полезныя дѣла, въ видѣ исключенія, люди, обладающіе только спеціальными знаніями. Такое опредѣленіе высшаго образованія можетъ, пожалуй, показаться лишь апологіей такъ называемаго «гуманизма». Но это было бы не точнымъ заключеніемъ. Конечно, оно можетъ быть названо гуманизмомъ, только съ той оговоркой, что его надо отличать отъ того, что понимается подъ этимъ словомъ на Западѣ. Западный гуманизмъ есть своего рода образовательный протестантизмъ, учащій о вѣрѣ безъ дѣлъ. Образованіе само для себя; развитіе для наслажденія этимъ самымъ развитіемъ, дающимъ лишь способность такъ сказать смаковать все человѣческое, и болѣе или менѣе всегда съ окраской религіознаго индеферентизма, происходящаго, какъ законное послѣдствіе, изъ слишкомъ уточненнаго пониманія только человѣческаго. Тоже начало, но имѣющее себѣ цѣлю «дѣло», а не самонаслажденіе своею культурностью,

дастъ желанный результатъ—*высшее образованіе, какъ начало активное*; а таковое, конечно, не можетъ быть дѣйственно иначе, какъ если оно зиждется на незыблемой почвѣ вѣры. Вѣра можетъ быть—и есть, не только религіозная; но безъ нея совершенно нельзя быть человѣкомъ истинно образованнымъ, а не только гуманистомъ; ибо высшее, до чего можетъ достигнуть человѣкъ, въ смыслѣ образованія, это—совоплощеніе знанія съ жизнью, а не только самоуспокоивающееся знаніе. Посему тамъ, гдѣ въ основѣ высшаго образованія не положена вѣра, начало активное, оно само несостоятельно. Вѣра можетъ быть политическая, научная, эстетическая, и, наконецъ, высшая—вѣра въ Бога. На Западѣ преобладаетъ всяческая вѣра надъ вѣрой религіозной, конечно, не упраздняя и этой. Въ Германіи первенствуетъ вѣра въ науку, во Франціи—вѣра въ жизненный практицизмъ, въ Англіи—вѣра въ строй общественной жизни, въ Италіи вѣры нѣтъ никакой; и потому высшее образованіе въ Италіи въ сущности не существуетъ ¹⁾, какъ и у насъ въ Россіи. Среда, составляющая теперешній контингентъ посѣтителей университетовъ, есть и въ Италіи и у насъ, «чистая интеллигенція», то есть такая, которая стоитъ на почвѣ одной разсудочности, а разсудочность есть начало разлагающее, а не зиждущее и слѣдовательно неспособное создать никакой вѣры, хотя бы самаго посредственнаго калибра, въ родѣ напимѣръ политической; и потому на ея основѣ высшая образованность никакая сложиться не можетъ, если признать наше опредѣленіе: что «де»—таковая непременно дѣйственная, а не пассивная или «трицательная».

Цѣль высшаго образованія, въ странѣ христіански просвѣщенной, заключается въ томъ, чтобы дать человѣку возможность усвоить все то, что необходимо для уразумѣнія и осуществленія того типа, который одинъ можетъ явить полноту культуры, зиждущейся на христіанской основѣ. Нравственная высота каждаго христіанина въ отдѣльности стоитъ внѣ области формальнаго образованія: она есть результатъ усвоенія, въ большей по возможности степени, дѣйствія благодати, дающей «не мѣрою», какъ говоритъ Апостоль, а во всей полнотѣ всякому способному ее воспринять. Но высота христіанской культурности-образованности, конечно, связанной въ концѣ концовъ съ этическимъ элементомъ, зависитъ отъ воспріятія умственнаго образованія, истекающаго изъ познанія всего, что сдѣлано человѣчествомъ въ области всего *entendement humain*, т. е. всего того развитія, которое дѣлаетъ человѣка способнымъ принять и постигнуть умомъ всѣ тѣ чисто человѣческія познанія, которыя необходимы для построенія умственнаго зданія христіанскаго міросозерцанія, какъ въ общемъ, такъ и въ частности. Хотя Паскаль и сказалъ съ обычною ему точностію, что *Dieu en veut plus à notre volonté qu'à notre esprit*; тѣмъ не менѣе дѣло образованія, понятаго въ школьномъ смыслѣ, есть дѣло прежде всего ума. Оно должно обработать умъ, въ связи съ цѣлостію духа, до способности

¹⁾ Конечно не въ смыслѣ единичномъ. Ср. Fouillée *Peuples Europ.* 71 и 108 стр.

постигнувенія высшаго; а такое есть именно постигнувеніе христіанское, ибо христіанство, рядомъ съ просвѣщеніемъ душъ, внесло въ міръ и абсолютную способность пониманія, которая безъ душевнаго просвѣщенія не возможна. Сама наука могла развиться до настоящаго своего уровня только благодаря тому, что христіански просвѣщенное человѣчество получило полноту пониманія, немислимую для древняго человѣка, скованнаго узкостью своего міровоззрѣнія, на все налагавшаго печать условности. Христіанство есть абсолютное освобожденіе духа человѣческаго, выразившееся прежде всего въ богатствѣ душевныхъ движеній, совершенно неизвѣстныхъ древнему міру. Стоитъ только сравнить богатство христіанской психологіи, выражающейся въ искусствѣ, со скудностью душевныхъ мотивовъ, которыми пробавлялся древній человѣкъ, чтобы понять, что безъ этого пробужденія души, немислимо было и полное пробужденіе ума, который есть все-таки не болѣе какъ формальное орудіе, дѣйствующее подъ вліяніемъ факторовъ высшаго разряда. Но христіанство само, въ своемъ образовательномъ значеніи, состоитъ не только изъ догмы и истекающей изъ нея этики. Для полнаго проявленія, какъ начала культурнаго, оно нуждается въ такой полнотѣ развитія всѣхъ способностей духа, которая доступна лишь человѣку, стоящему на степени--мужа совершенна, могущаго примѣнять въ жизни тѣ начала, которыя составляютъ Бого-откровенную сущность ученія. Воспринять для себя лично Евангеліе Царствія можетъ и стоящій на степени умственной дѣтскости. Дѣтскій умъ и душа Славянина, усвоивъ благодатную сторону, принесеннаго къ нему высококультурными эллинами христіанства, въ нѣкоторомъ отношеніи новьяла ее полнѣе можетъ быть, чѣмъ понимали ее самые просвѣтители. Для русскаго человѣка христіанство выразилось въ молитвенной формулѣ «Господи помилуй», формулѣ, созданной греческимъ умомъ для иудей, только ритуалистическихъ и никогда не получившей той полноты духовнаго значенія, которую съ нею связалъ русскій человѣкъ, прежде всего постигшій, что краеуголіе христіанства состоитъ въ смиреніи и сокрушеніи. Эллингъ постигъ умомъ красоту христіанскаго смиренія; русскій постигъ смиреніе душою и этимъ сразу поставилъ себя въ отношеніи христіанскаго возрожденія выше своего учителя. Христіаниномъ, въ высшемъ личномъ смыслѣ, можетъ быть самый первобытный человѣкъ--какойнибудь «дядя Томъ». Но полнота христіанской, такъ сказать, гражданственности выражается не въ одной высотѣ личной нравственности, но и въ усвоеніи всего того, что можетъ создать христіанское общество, земную Церковь. Для этого недостаточно одной личной даже святости; надо прямо сказать--для этого надо развитіе всѣхъ силъ человѣческой души съ умомъ включительно, и потому способствовать устроенію на землѣ «Града Божія» можетъ лишь тотъ, въ комъ всечеловѣчность его стоитъ на высотѣ воспитавшаго его начала. И дѣйствительно, гдѣ Церкви, основанныя и существующія на почвѣ, не переработанной эллинской культурой? Если теперь и устроятся Церкви въ Китаѣ, Японіи и другихъ странахъ, то все-таки руководство ими оста-

ется за людьми, прошедшими такъ называемую классическую школу и особенно школу эллинскую; такъ какъ римскій элементъ, хотя и тѣсно связанный съ греческимъ просвѣщеніемъ, самъ по себѣ не достаточно, по своей односторонности для того, чтобы дать образованіе уму всестороннее. Римскій духъ, формально юридическій, составляетъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу человѣческой культуры, какъ проявленіе присущаго человѣку запроса на формальную точность и правомѣрную логичность¹⁾, но самъ по себѣ онъ не исходитъ изъ глубины цѣлостнаго духа, а только служить для развитія чисто формальной стороны ума. Непосредственно въ немъ христіанское пониманіе не могло найти и не нашло себѣ выразителя; и поэтому христіанство, основанное на латинской культурѣ, впало въ ту явную для насъ односторонность, которая, по мѣткому выраженію историка Кудрявцева, низвела идею христіанской католичности на степень римскаго католицизма («Судьбы Италіи»). Для того, чтобы стать человѣку на высшую степень развитія, ему необходимо усвоить все то, что приобрѣло человѣчество абсолютнаго въ просвѣтительномъ и образовательномъ отношеніи за всю исторію свою. Усваивать надо лишь обще-человѣческое; и хотя таковое никогда не является иначе, какъ въ оболочкѣ народнаго, тѣмъ не менѣе усвоенію подлежитъ только обще-человѣческое, народное же лишь, поскольку оно не отдѣлимо отъ перваго. Что же человѣчество приобрѣло такого съ начала своей исторіи? Прежде всего и выше всего оно получило откровеніе христіанское, проявившееся въ конкретѣ съ окраской еврейской, а затѣмъ оно выработало изъ самого себя тотъ высшій типъ культурнаго человѣка, который обратился, въ отношеніи именно культурности, въ вѣчную норму для всего будущаго человѣчества. Этотъ типъ—эллина, человѣка, достигшаго до совершеннаго развитія всѣхъ способностей душевныхъ и умственныхъ, при возможно полномъ устраненіи всякаго мѣстнаго и племеннаго умественнаго «идіотизма»²⁾. Эллада, въ своей долгой и полной превратности исторіи, служила исключительно идеѣ—выработать человѣка несовершеннѣйшаго. Поклоняясь человѣческой красотѣ тѣла и ума (*καλοκαγαθία*), она дѣйствительно пашла этотъ типъ и принесла его человѣчеству какъ чудный даръ того идеальнаго сосуда, въ которомъ наилучше можетъ проявить себя все высокое, до высочайшаго включительно. Дарное міру черезъ евреевъ Откровеніе не могло вмѣщаться въ явно одностороннемъ и узкомъ сосудѣ еврей-націоналиста; и оно, дѣйствительно, немедленно какъ бы переселяется въ міръ эллинскій и на столько съ нимъ отождествляется, что можно смѣло сказать—христіанство засвѣтилось міру на свѣчницѣ эллинизма; и отъ него, въ извѣстномъ отношеніи, не отдѣлимо, не въ качествѣ начала просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ (тутъ нѣтъ мѣста ни народно-

¹⁾ Harnack говорить, что западный умъ *mehr Verstand als Vernunft war*. *Dog. Gesch.* III 339 сл.

²⁾ Въ смыслѣ Греческомъ. *Voilà pourquoi la Grèce a un rôle apart comme la Judée*, говорить Ренанъ, *Melanges Religieux etc.* 189 стр.

сти, ни культурѣ), но въ смыслѣ орудія для проявленія себя, какъ культурно-бытового начала, такъ сказать, какъ орудіе для осуществленія на землѣ, въ возможной полнотѣ, христіанскаго идеала земной Церкви. Ни одинъ народъ, кромѣ эллинскаго, не выработалъ такого яснаго и сознательнаго чувства, «единенія на началѣ внутреннемъ, безъ всякой потребности въ чемъ-либо внѣшнемъ, во внѣшнемъ знакѣ единенія». Всѣ другіе народы единились или на государственномъ началѣ, или на началѣ внѣшняго культа, или, наконецъ, какъ Евреи, на Законѣ, хотя и Богодарованномъ, но все-таки внѣшнемъ началѣ, какъ то признаетъ и апостоль Павелъ: Законъ—пѣстунъ. Совсѣмъ иное видимъ мы у Эллиновъ. То, что объединяло ихъ, при всей ихъ розни между собой, что давало имъ право противопоставлять себя всѣмъ другимъ народамъ, это сознание, что связь, ихъ соединяющая, внутренняя, и исключительно внутренняя, безъ всякой внѣшней формы; ибо даже вѣра ихъ, какъ религіозная вѣра, не представляла сама настоящаго цемента. Эта внутренняя связь настолько сильна была и есть даже у современныхъ грековъ, что при полной неспособности къ государственному укладу (Византія была «Римъ» на греческой почвѣ), объединительная сила эллинизма ни минуты не ослабѣвала, и чѣмъ слабѣе становилась собственно Греція, тѣмъ сильнѣе выражался духъ эллинизма—въ складѣ ума, способнаго «понять» все человѣческое, безъ всякаго привнесенія національной односторонности. Такая среда была единственно способна воспринять ученіе христіанское, въ смыслѣ *пониманія* онаго «вполнѣ». *Экклесія*, то высшее проявленіе единенія о духѣ, на чемъ зиждется весь земной строй христіанства и соединяетъ его съ чаемымъ строемъ загробнымъ—понятіе чисто эллинское и доступно въ своей полнотѣ только тѣмъ, которые привили къ себѣ вполнѣ эллинскую культуру, не въ смыслѣ обращенія себя въ Грековъ, а въ смыслѣ полного приобщенія ума къ широтѣ эллинскаго постигновенія; которое, благодаря вложенному въ него высшему откровенному ученію, создало то, что такъ мѣтко и непреходяще наименовано—Православіе. Дѣйствительно, съ первыхъ же минутъ Христіанство отождествляется съ эллинизмомъ ¹⁾; и оно начинаетъ распространяться черезъ эллинскія колоніи, сохраняя даже и внѣшность эллинизма до такой степени, что само богослуженіе отправлялось на Западѣ по-гречески (остатокъ сего—латинскій Кирие-елейсонъ) и большинство епископовъ, даже римскихъ, первыхъ вѣковъ, были Греки или грецизированные туземцы. Гарнакъ, со свойственнымъ ему безпристрастіемъ сужденія, говоритъ (Dog. Gesch.), что «идея Церкви есть идея греческая». Чтобы ее осуществлять въ ея чистой формѣ, надо стоять на греко-христіанской точкѣ, т. е. понимать возможность единенія въ духѣ *«помимо всякой внѣшней объединяющей вѣхи»*. Римъ этого понятія никогда усвоить не могъ вполнѣ. Ему нельзя было, съ его односторонней точки пониманія,

¹⁾ «No sooner had it (Christianity) moved outwards from its cradle in Jerusalem, than it assumed the aspect of a Greek religion». Gladstone: «The Hellenistic factor in the Eastern problem», p. 11.

обойтись безъ *centrum unitatis* видимаго; и отъ того, по мѣрѣ какъ христіанство олатинивалось, на Западѣ все болѣе и болѣе тускнѣло понятіе о Церкви въ строго-христіанскомъ смыслѣ и замѣнялось католическимъ понятіемъ о необходимости для христіанства имѣть видимаго представителя, замѣстителя Христа на землѣ подобно тому, какъ древнему человечеству, когда оно начало утрачивать внутреннее единство духа, понадобилась вавилонская башня. Сравнительный успѣхъ западнаго столпа въ отличіе отъ вавилонскаго объясняется тѣмъ, что онъ все-таки построенъ и до нынѣ стоитъ на почвѣ христіанской, т. е. объединительной самой по себѣ, подкрѣпляемой лишь древне-римскимъ изреченіемъ «*tu regere imperio populos, Romane, memento*». Такое одностороннее направленіе латинства должно бы, на основаніи вышензложеннаго, повидимому, устранить его значеніе въ смыслѣ общекультурнаго элемента, такъ какъ онъ есть скорѣе торжество *нѣкоего «идиотизма»* въ этой области, что противорѣчитъ нашему запросу развитія (въ смыслѣ высшаго образованія), только того, что дѣлаетъ человѣка возможно менѣе идиотичнымъ. Въ дѣйствительности, оно не такъ: человѣкъ никогда не можетъ «вполнѣ» реализовать никакого идеала, и самый идеаль абсолютной *широты пониманія* можетъ легко обратиться въ *расплывчатость пониманія*, чему не разъ поддавалась и чисто-греческая культурность. Римъ есть коррективъ для Греціи и такой, который дѣйствительно необходимъ для того, чтобы отнять у эллинизма его склонность къ тому, что можно, въ вульгарномъ смыслѣ назвать «прѣснотой». Это—своего рода отрубъ въ хлѣбѣ. Присутствіе таковой въ простомъ ржаномъ хлѣбѣ дѣлаетъ то, что на немъ одномъ почти живетъ русскій крестьянинъ, чего нельзя или трудно на ситномъ или на пшеничномъ, обдирномъ. Отъ того, говоря о классицизмѣ, невозможно отдѣлять эти двѣ его вѣтви; но только въ ихъ единеніи можно искать полноты такъ называемаго гуманизма, того просвѣтительно-дѣйственаго гуманизма, который мы противопоставляемъ *гуманизму квіэтистическому*, выработавшемуся на Западѣ, какъ противоположеніе грубому утилитаризму, искони свойственному духу народовъ германскихъ или тѣхъ, которые имѣли основаніемъ своего просвѣщенія чистое латинство, въ которомъ, отдѣльно взятомъ, нѣтъ ничего чисто-культурнаго, кромѣ развѣ того, что оно заимствовало, обѣзцвѣтивъ у тѣхъ же грековъ. Введеніе въ основу ученія, направленнаго къ высшему образованію, исключительно одного латинскаго языка и его литературы, можно почесть средствомъ діаметрально противоположнымъ той цѣли, которая въ этомъ дѣлѣ существенна; и несомнѣнно, что, на примѣръ, соединеніе математики съ латынью способно скорѣе дать обратные результаты въ дѣлѣ высшаго образованія, чѣмъ содѣйствовать достиженію онаго. Лучше устранить совершенно всякій классицизмъ, чѣмъ давать его въ искаженномъ видѣ. Математика—наука о формальныхъ построеніяхъ въ области «числа и мѣры». Латинская культура—результатъ формальнаго (только) пониманія вещей и ихъ взаимно-отношеній. Лучшие умы латинскаго міра сами это сознавали и поэтому искали выхода изъ собственнаго форма-

лизмъ въ свѣжихъ струяхъ греческаго міросозерпанія, никогда однако не достигши до истиннаго онаго пониманія. Общее образованіе высшее, построенное на такихъ основахъ, можетъ дать лишь то именно, противъ чего самъ Западъ началъ претестовать во времена Возрожденія, основавъ свое стремленіе къ выходу изъ этого всепоглощающаго формализма на возвращеніи къ изученію греческой словесности и создавшей ее культуры¹⁾. Этотъ взглядъ на значеніе эллино-римской культуры полагаетъ ее краеугольнымъ камнемъ возможности истиннаго просвѣщенія общественнаго для всего міра, не исключая «недвижнаго Китая» или страны Восходящаго Солнца. Какъ бы ни были блестящи результаты ихъ собственныхъ культуръ, нельзя не видѣть, что на *нижъ христіанской культуры основать нельзя*, потому что христіанство для полнаго себя проявленія, какъ воспринятое и примѣненное къ общественной жизни откровеніе (Земная Церковь), требуетъ, повидимому, такого предварительнаго пробужденія умственно-душевныхъ силъ человѣка, достигнутаго дано было Провидѣніемъ только эллино-римскому міру (Шеллингъ, *Tiersch Apost. Zeitalter*), въ чемъ и его и высокое, *вѣчное* значеніе. Мы знаемъ, что распространеніе христіанства какъ бы совпадаетъ съ границами этой предварительной культуры; за ея предѣлами видимъ только индивидуальныя приобрѣтенія, но не общественныя; и даже тѣ отдѣльныя, иногда ревностныя индивидуумы, которыхъ удастся присоединить къ христіанству, не могутъ изъ себя составить церковныхъ обществъ, безъ руководства лицъ эллино-римской закваски. Въ Китаѣ, многовѣковая римско-католическая церковь доселѣ управляется европейцами, а въ православной миссиі въ Японіи, едва-ли пр. Николай замѣнимъ теперь японцемъ, не прошедшимъ школы, заквашенной просвѣщеніемъ греческимъ, хотя-бы не непременно греческимъ языкомъ, въ его непосредственномъ приложеніи. Для основанія церкви въ странахъ, совершенно независимыхъ отъ нашей культуры, надо насаждать эту культуру, и тогда будутъ положены основанія для возможности въ будущемъ совершенно Японо-Китайско-Индусскихъ Церквей; до тѣхъ же поръ придется цементировать эти церкви извнѣ привносимымъ началомъ; тѣмъ, на которомъ можетъ стоять зданіе церкви видимой, понятой такъ полно, какъ это доступно только для греко-латинскаго пониманія. Ближе всего къ эллино-христіанскому пониманію единенія о духѣ подходитъ буддизмъ; но его насенная закваска дѣлаетъ то, что и прошедшіе черезъ него, по пути къ христіанству, все-таки не способны понять вполне христіанскую концепцію Церкви, въ которой начало дѣйственное составляетъ элементъ существенный. Послѣдователи буддизма не идутъ дальше «сопоставленія», но объединенія активнаго они понять не могутъ; они идутъ по одному пути, но истиннаго единства они не могутъ реализовать. Оно

¹⁾ Только съ этой точки зрѣнія могло быть допустимо анти-латинское направленіе въ церковной школѣ у насъ въ 40-хъ годахъ; но тогда нужно было не умалять латинство, а усилить греческое къ нему дополненіе. *Вмѣсто того въ сущности выбросили и то и другое. Что получилось—patet.*

осуществляется только тѣми, которые усвоили себѣ, просвѣтивъ его христіанствомъ, то внутреннее культурное единеніе, которое выработала Греція, какъ бы въ предвѣдѣніи его высшаго назначенія.

Классицизмъ является такимъ образомъ для насъ основаніемъ возможно полной христіанской культуры (образованія), и потому, и *только потому*, его необходимо класть въ основу высшаго образованія, тогда какъ именно этой его стороны у насъ во вниманіе не принимаютъ. Противники классицизма у насъ и на Западѣ прибѣгаютъ къ одинаковымъ аргументамъ для полемики противъ него—и это вполне основательно. Но сторонники его едва ли правильно прибѣгаютъ у насъ *только* къ тѣмъ доказательствамъ его полезности, которыя выработаны на европейской почвѣ. Для Европы, говорящей на языкахъ, въ большей или меньшей степени утратившихъ органичность, возможность пользоваться языками, сохранившими свою первобытную органичность—самая *матерія древнихъ языковъ* имѣетъ существенную важность: она даетъ имъ дѣйствительно то, что такъ необходимо для умственного развитія—возможность понимать логику мышленія, почерпнутую изъ живаго органа мысли—языка. Но мы обладаемъ въ обиходѣ нашимъ такимъ языкомъ, который не уступаетъ, по органичности своей, ни въ чемъ языкамъ древнимъ. Конечно, есть нѣкоторыя польза знакомиться съ законами языка «не обиходнаго», но эта польза ничтожная, при обращеніи со своимъ, столь же органическимъ, языкомъ. Изучая «серьезно» свой языкъ, мы въ этомъ отношеніи получимъ почти все то для гимнастики ума, что даютъ западному человѣку древніе языки. Дополняя же свой языкъ еще ц.-славянскимъ и обращая вниманіе на его особенности, мы можемъ смѣло рассчитывать на то, что въ этой области найдемъ значительную для ума гимнастику. Аргументъ этотъ въ пользу древнихъ языковъ, важный для Европы, у насъ *обезцѣнивается значительно*, сравнительно съ его вѣскою для Европы. Отношеніе же латинскихъ расъ къ латинскому языку настолько исключительно, что все, что вполне оправдываетъ необходимость его для француза, итальянца, испанца и иныхъ—совершенно къ намъ не примѣнимо: латинскій языкъ у нихъ играетъ роль ц.-славянскаго нашего; а для остальныхъ народовъ, германокельтскихъ, онъ есть языкъ той культуры, которая заквасила всю ихъ гражданственность, тогда какъ русская гражданственность—непетровская конечно—ея чурается. Если взять литературу древнихъ, только съ литературной стороны, то вѣдь въ отношеніи этомъ—за исключеніемъ Гомера новые народы могутъ выставить писателей, не менѣе совершенныхъ по генію и по совершенству формы. Данте, Шекспиръ, Гете, Байронъ могутъ не только стать на одну доску съ писателями классическими, но и затмить ихъ. Но тѣмъ не менѣе есть громадная разница между образовательнымъ значеніемъ литературы классической и таковыми же по-классической, до современности. Современная и вообще христіанская эпоха литературы даетъ намъ лишь отдѣльные образцы большей или меньшей геніальности лицъ, принадлежащихъ къ нашему собственному міросозерпанію, со свойственной каждому по человѣ-

честву односторонностью, и слѣдовательно они являютъ изъ себя лишь блестящія анекдоты нашей собственной среды. Не то древніе: несмотря на очень средніе таланты большинства писателей и поэтовъ древности, они всѣ вмѣстѣ дѣлали невѣдомо для себя одно общее дѣло—выражали и запечатлѣвали процессъ образованія того высшаго типа человѣка—вообще, который былъ необходимъ для цѣлей Промысла—дать возможность христіанскому откровенію облечься для своихъ «земныхъ» цѣлей въ возможно совершенную человѣчью оболочку. Въ одномъ церковномъ пѣснопѣніи говорится, что вся вселенная соединилась для поднесенія Христу того, что каждая часть могла поднести лучшаго: небеса—звѣзду, волхвы—дары, люди—матеръ дѣву. Но къ этому перечисленію можно бы прибавить еще—тотъ, самымъ человѣчествомъ выработанный типъ культурнаго человѣка, который необходимъ былъ для того, чтобы умомъ постигнуть, такъ сказать, умственную сторону христіанства, безъ которой человѣкъ въ частности можетъ почитать себя христіаниномъ, но безъ которой человѣчество не можетъ въ своихъ общихъ судьбахъ осуществить христіанство на Землѣ въ его полнотѣ. А. С. Хомяковъ сказалъ: «Православіе спасаетъ не человѣка, а человѣчество». Православіе же есть именно въ своемъ проявленіи жизненномъ нѣчто отъ греческой культуры неотдѣлимое, ибо оно есть утвержденіе истинной церковности, а таковая, какъ понятіе, выработана греческимъ умомъ, какъ замѣтилъ весьма глубокомысленно Гарнакъ. Настоящая высшая культура возможна теперь въ Россіи только абсолютно христіанская, а таковая неотдѣлима отъ классицизма, какъ выраженія того человѣчествомъ выработаннаго, по волѣ Промысла, сосуда, въ которомъ одномъ вполнѣ укладывается пониманіе христіанства, какъ явленія культурно-мірового. Эта внутренняя связь классицизма съ христіанствомъ понимается весьма представителями анти-христіанскаго направленія; и особенно у насъ, гдѣ главное движеніе анти-классическое идетъ изъ среды такъ называемой либеральной, а таковая есть вмѣстѣ, если и не анти-христіанская, то минимально-христіанская. На Западѣ это менѣе замѣтно потому, что тамъ сложившееся вѣковой жизнью менѣе подвержено реформаторскому нападенію даже тѣхъ, которые мыслятъ про себя иначе. Сама литература классическая для христіанства ничего не даетъ существеннаго, но она въ конечномъ результатѣ своемъ выражаетъ то умственное направленіе, которое должно было открыть человѣчеству глаза для созерцанія того, что для умственныхъ глазъ людей другой культуры было и останется всегда настолько ослѣпительнымъ, что воспринять оное вполнѣ, они никогда не возмогутъ. Въ этомъ, вѣроятно, смыслъ Климентъ Александрійскій говорилъ, что греческая философія приготовила эллиновъ къ христіанству. Конечно, не сама философія, въ которой «догма» очень не важна на пользу христіанства, а тотъ складъ ума, который выработался у Грековъ—ихъ культурное любомудріе.

Но, если значеніе образованности древней велико по своему общему результату, а не по особымъ развивательнымъ условіямъ языковъ греческаго и римскаго и не по особымъ достоинствамъ писателей (Гомеръ и Платонъ

исключаются). то нельзя ли получить плодъ этой культуры безъ усвоенія языковъ, не черезъ чтеніе классическихъ источниковъ въ подлинникѣ? Зачѣмъ тратить такъ много времени на языки, когда все, что на нихъ писали, переведено? Отвѣтъ на это краткій, но очень ясный, даетъ итальянская поговорка: traduttore-traditore. Въ языкѣ выражается духъ создавшаго его народа; и чѣмъ важнѣе мы почитаемъ быть именно «духъ древняго міра», выразившій только свои идиотизмы въ своей литературѣ, оправдавшійся только въ томъ, что какъ онъ выработалъ человѣческую мысль для дальнѣйшаго и важнѣйшаго и для выраженія того, чего онъ по существу и въ умѣ не имѣлъ, тѣмъ важнѣе именно проникнуть въ него черезъ «medium» языка, и только для этого знаніе настоящее, такъ сказать живое, древнихъ языковъ намъ абсолютно нужно ¹⁾, если мы хотимъ *summa petere* въ дѣлѣ образованія. Прощедшій черезъ школу древне греческо-римскаго мышленія (а это достигается только проникновеніемъ въ тайну духа этихъ народовъ, чрезъ усвоеніе ихъ мыслительнаго орудія—языка) получаетъ способность понимать въ полнотѣ то, что дано человечеству чрезъ совершенно другой источникъ, оказавшійся самъ по себѣ столь же неспособнымъ оное усвоить, сколь онъ одинъ оказался способнымъ сохранить тѣ сѣмена, изъ которыхъ это, сверхчеловѣческое, должно было выйти во образѣ человѣческомъ и для спасенія человечества.

Д. Х.

¹⁾ Но, конечно, тотъ, кто перечелъ всѣхъ древнихъ писателей, хотя бы и въ переводѣ, ближе стоитъ къ идеалу, близко знакомаго съ древностью человѣка, чѣмъ тонкій знатокъ въ грамматическомъ отношеніи, не овладѣвшій литературой чрезъ «курсорное» чтеніе.